

НИНА КОНДРАТКОВСКАЯ

Операция «Молоко»

Невыдуманый рассказ о жизни подростков Магнитки военной поры

Эту занятую историю я воссоздаю по рассказу со всеми подробностями моего старого друга — от юности до глубоких седин — честнейшей Софьи Васильевны Корнюшиной.

В Магнитогорск она приехала по вербовке, когда здесь еще ничего не было, от огромной семьи, оставив отца и мачеху с малолетними братьями, сестрами-школьницами. Четверо детей уже повзрослели, а всего их у отца было десять. Четверо — от первого брака. Жена, умирая от чахотки, завсчала младшей сестре все семейство. Потом появились еще пятеро. Соня уехала, чтобы не быть лишним ртом, едва ей исполнилось пятнадцать — один год удалось приписать. На Магнитке получила профессию электрика, вышла замуж за Васю Голицина, талантливого инженера, выучившегося «без отрыва», родила сына и дочь. Перешла с производства в музыкальную школу: дома, в Киеве, был рояль, и она выучилась играть, обладая абсолютнейшим слухом. Мы вместе работали и учились во вновь открытом музыкальном училище. А тут — война. Вася погиб под Москвой. Мачеха Люба успела эвакуироваться из Киева в Магнитогорск — куда же еще! Приехала целым колхозом. Дочь Зоя — после 10 класса, сын Вадик — дошкольник, Юрочка еще на руках. И старшая сестра Сони от первого брака Инна. В дороге у нее заболела двухмесячная дочка, умерла в теплушке на руках у матери, насилу отобрали, чтобы на первой же станции похоронить. И своих двое: первоклассник Валя и Эмма, две малышки. Комната в перенаселенной квартире большая, 22 метра, но ведь восемь душ. И почти все — иждивенцы. Десятиклассница Зоя поступила в горный институт — больше ради карточки — рабочей профессии не было, а служащим давали на 200 граммов меньше. Мачеха Люба — Любовь Романовна — приглядывала, кормила и обстирывала всех малышей. Инна — не помощник, после пережитого не в своем уме — сидит, уставясь в одну точку, и говорит, говорит. Муж прислал с фронта аттестат — тем и жила, и пашк — в общий тощий котел.

Соня ушла электриком на подстанцию электрошитовой. С риском сесть в тюрьму выносила канифоль варить из чего-нибудь мыло — надо же и купать, и обстирывать восьмерых! Потом переводом устроили в ремесленное № 1 воспитателем. Полный барак пацанов, худых, стриженных подростков. Одни уже сироты, у других родные «где-то там»: то ли в оккупации, то ли на фронте — не узнаешь до конца войны. Детей вывезли «из-под немца», определили учиться и работать. Мальчишки всякие, были и неслухи, и буйные, и рассудительные, тихие — всякие.

Ремесленное училище занимало четырехэтажный кирпичный дом. Сейчас там улица с личными домами и садами. Рядом — швейная фабрика, а тогда кругом был пустырь, заросший кустарником, молоденькими кленами и едва поднявшимися деревьями карагача. До войны здесь посадили рошницу, но она не была ухожена, в низинах поднялась и загустела, а возле училища напоминала чахлые заросли бурьяна. Позади дома, в загороженном наскоро дворе, был собственный цех. Его строили ребята, установили токарные и шлифовальные станки, приставили разной высоты трапы — без них не дотянуться до суппорта; на такую мелюзгу станкостроители не рассчитывали.

Что там точили и шлифовали, мальчишки, конечно, знали. Но цех был засекречен. Они вытаскивали продолговатые «стаканы». На других станках их шлифовали. Нужна была точность. Их аккуратно, ящиками отправляли на комбинат. Ребята догадывались: там, в таком же секретном цехе, что-то доделывали, чем-то наполняли. Сначала они решили про себя: делаем снаряды, а головки для них делают «там». Если «стакан» полый, то его надо наполнять. Все верно!

Потом, неведомо как, узнали: мины! Вот здорово! Вот гостинчик гадам! И работали яростно. Когда знаешь цель, ярость сама приходит. И делаешь невозможное. Даже план. Называли: проценты сверх плана. Их давали постоянно из ненависти к фашистам, а больше — ради ударной добавки к пайку.

Витька Зайцев злее всех оказался. С виду — обыкновенный пацан, ростом не вышел, шурится — глаз не видеть, и брови белесые — таких деревенских мальчишек табун увидишь — не отличишь друг от дружки. А Витька ухватистым оказался. Сам резцы выбирал, сам затачивал, примерялся, запясал — ломались они у ребят. И стал гнать норму за нормой. Станок выверял, чистил, смазывал. И выдал девять норм. Не поверили, собрались у станка, директор Андриан Устинович явился. А Витька как заведенный — заготовку ставит — полминуты, точит, переставляет, замеряет — и раз — в ящик. Десять с половиной норм! Это уже был сверхрекорд. С трапа на обед сошел довольный, только взмок от напряжения. Потом еще на два часа зарядился. Но еле доработал до конца смены — ударил «колокол» — рельс, и он с трапа чуть не ползком.

— Молодец. Но так тебя надолго не хватит.

— А на фронте легче, что ли? — Ухмыльнулся Витька Зайцев.

До ужина сидел, будто развесился по частям: голова на плече, руки, если бы не гудели, будто неживые, и ноги раскинул по обе стороны табуретки. Однако поел хорошо, второго две порции велел директор подать.

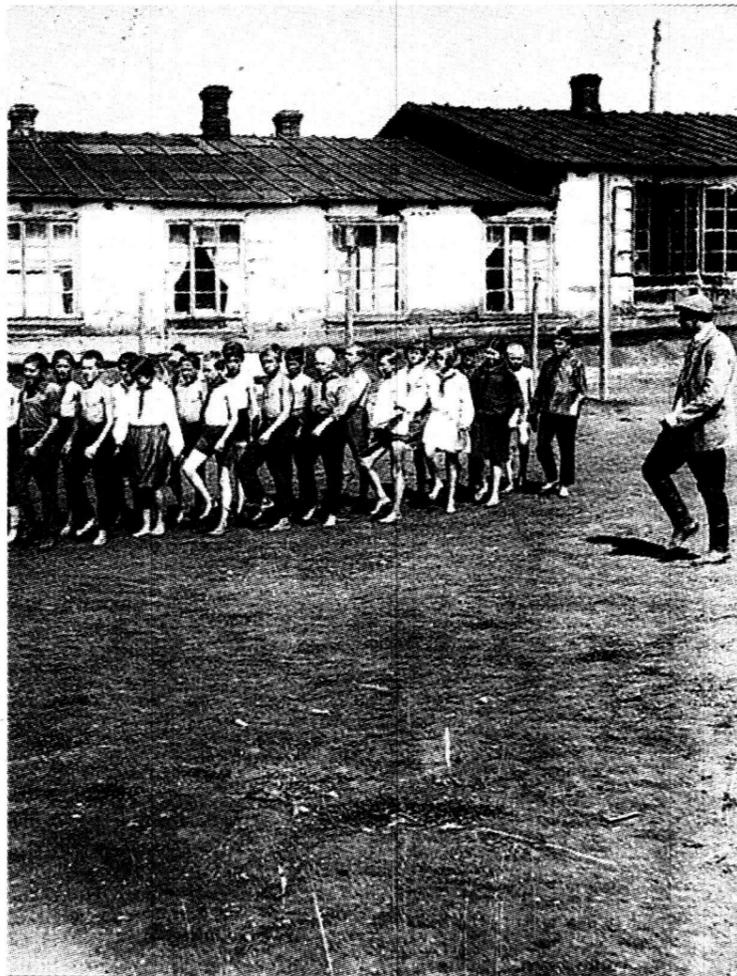
Проценты сверх плана они давали ради ударной добавки к продовольственному пайку

На него глядя, и другие работали азартно. По-разному, но нормы перевыполняли почти все, а достигал до нормы каждый. Нормы были установлены подростковые, а они вкалывали по-взрослому. Такую работу поощрять надо, а за заработок — разве это деньги, когда в магазине ничего нет, по карточке все выбрано, да и хлеб, мясо и крупы почти целиком вырезают на столовую.

И совсем по-детски хотелось мальчишкам, как и девочкам, есть. Ведь они росли. А для роста им нужны были не только хлеб и суп, где «крупинка за крупинкой бегают с дубинкой», но и сахар, и особенно молоко. Всех роднил голод. Они всегда хотели есть, даже после обеда. Рядом с училищем был базар, и мальчишки приносили оттуда в карманах карточку.

— Воруют, — сокрушалась Соня. — От меня не скрывают. Но они — идейные воры. Берут у толстых куркулих, а тех, у кого последнее, — ни-ни, не трогают. Внушаю, конечно. Но голод внушает сильнее всяких слов...

Я часто по просьбе Сони вечера-

ми приходила в общежитие. Ребята рассаживались в воспитательской комнате на полу, ноги — по-турецки. Я заводила патефон, рассказывала «Полтаву», «Евгения Онегина», «Бориса Годунова». У меня были с довоенной поры комплекты оперных пластинок. Рассказ перемежалась с музыкой. Мальчишкам нравилась «Полтава», и в опере «Мазепа» сцены с Марией, Кочубеем, Мазепой. Очень любили они «Полет шмеля» и куплеты Мефистофеля: «Люди гибнут за металл». Насчет Сатаны, правящего бал, они не соображали, а за металл гибли

сталеваляры и горновые, как на фронте. Один миллион мин дали фронту эти подростки! Об этом мы узнали уже после войны. А тогда вместе с Мефистофелем они хохотали, представляя себе, как бьют фрицев, гогоча и ругаясь обязательно матом. Но музыка их облагораживала, глушила голод, меня они любили слушать, я приходила ради Сони, а потом привыкла. И плохих слов не слыхала, оперы были для ребят сказками, которых лишила их, как и детства, война.

Вот на таком фоне и была проведена операция «Молоко». А проходила она так.

Добавили весной к рациону молока, хорошо добавили — по поллитра. На завтрак — кашу на молоке и чай или кофе с молоком. Кофе из ячменя — тоже сытное. А на ужин — по стакану чистого молока. Молоко ребятам давали в столовой. Сперва оно было белым. Потом стало голубеть и напоминало чуть подбеленную водичку. Поили бурдой — суррогатным кофе, чуть подслащенным, чуть подбеленным молоком.

И вот в летний солнечный день после обеда двое дежурных обнару-

жили между вторым и третьим этажами дворового запасного входа флягу с молоком. С краю были две порожних фляги, а третья, прикрытая рогожкой, была полным полна, даже с пловбой.

Тотчас об этом по секрету сообщили дежурные своим негласным вожакам Владьке Быстрову и Сережке Косенко. Те же — приказали молчать, а во дворе начали копошиться, убирать мусор, чего-нибудь таскать, чтоб «эти сволочи» не поделили и не уволокли молоко.

Быстренько организовали команду. У выхода из пищеблока затеяли потасовку — отвлекали внимание столовских. Тем временем вытаскивали флягу — и наискосок в кусты, в базарную рошницу. Тяжесть, конечно, страшная — литров полста! Но зато — ручки. Самое опасное место — пересечь шоссе, а там, за бараками — и к общежитию. Там — дома. Сменяясь, очень смело пересекли шоссе.

— Куда волокете? — спросил мужик в шляпе возле остановке «Одиннадцатый участок».

— В воинскую часть, — нашелся Сережка.

— Э-эй! Сперли, поди, «ремесло!» — прикинул прохожий, но их прикрыл трамвай, и они действительно сделали крюк, чтобы пройти мимо воинской части.

Больше препятствий не было.

Прибежали, запыхавшись, «скандалисты», отвлекавшие столовских.

— Хватились?

— Молчат.

— Будут молчать. Сволочи, вору-

ги, — успокоил Владьку.

Флягу подтащили к глухому торцу барака, к общежитию. Командовал Владька. Ему принесли алюминиевую кружку. Сбили свинцовую пловбу, отвернули крышку. Владька попробовал из кружки, протянул Сережке.

— Становись в хвост!

Очередь была нетерпеливой, но и не дурной, соблюдали порядок, разливали сперва по одной кружке. Кто

выпил, становился снова. Прибежали с посудой из соседних барак.

— Детей молоком поят!

Владька величественно разливал по дрожащим в руках стаканам посторонним малышам.

В очереди возроптали.

— Всем хватит! Скорей, давай, пей, покуда не конфисковали.

— Мильтон! — испуганно крикнули два голоса, и очередь сжалась вокруг фляги.

Ребята пили, упивались, по губам текло, молоко было густое, жирное.

Владька поручил разливать напившимся, наполнил большую консервную банку, передал отнести в барак.

Флягу накренили. Над толпой, соблюдая в который раз очередность, возвышался милиционер, пожилой, с обветренным лицом и белыми усами щеточкой. По лицу стекал пот, глаза смотрели мученически. Он смотрел, ребята пили, косясь на него. Они уже напивались впрок. Милиционер не выдержал:

— Ребята! Поимейте совесть, оставьте мне. Маленько.

К нему обрадованно потянулись кружки. Кто-то, отвернувшись, наполнил молоком бутылку и сунул милиционеру в карман.

Эту сцену молча наблюдала Софья Васильевна. Когда барак внезапно опустел, она почуяла неладное, собрала бумаги, вышла — и не знала, что делать. Первая мысль — сперли в столовой — ожгла.

— Все законно, — успокоил Серега, а она ему верила.

Но у ребят — свои законы, они с кодексом не всегда едины.

И она наблюдала за пиршеством, и ужасалась, и радовалась — вот ведь досыта напьются! Молока! Хоть разок! А она? Ну, что ж. Она ничего не видела. Все тихо. Без драки. И — похолодела, заметив застывшего милиционера. Он всегда дежурил на рынке, пожилой, с белесыми усиками щеткой. Милиционер пил. Неторопливо, аккуратно, а что жадно — видно было по прищуренным глазам. Флягу уже легко запрокинули, доуживая остаток:

— Ну, кому еще?

Остатки с доньшка достались милиционеру и босоногой девчонке, не решавшей подойти к мальчишкам из общежития. Их боялись — они были «ремесло» и «фулиганы».

— Вот что, — строго сказал милиционер. — Флягу доставьте в наш пункт.

— Знаем, на балочке!

— На рынке, — поправил милиционер и вытер усы грязным носовым платком. Потом построжел и приказал, ткнув пальцем в самых рослых:

— Поставите, скажете — сержант велел. — И точка. Спросят откуда — скажете — стояла фляга, велел принести. И точка. Ничего не было.

— Есть ничего не было! — обрадовались пацаны. А двое бегом помчались порожнюю флягу. Милиционер торопливо свернул к первому участку. Наверное, понес детям бутылку.

У Сони отлегло от сердца: есть, есть люди, все понимают! И милицейский тоже. Узнал ли он, откуда молоко? Похоже — догадывался. Сытые мальчишки ему что-то, жестикулируя, объяснили.

Соня в душе оправдывала ребят — они же вернули то, что было привезено для них. Молоко собирались украсть, и, наверное, уже не раз крали.

— Это вам, Совасильевна, пейте, пожалуйста, — уговаривал воспитательницу Владька. — И разрешите сбежать к вам домой. Мы тут вашим ребятам налили в бидончик. Мы вымыли, он чистый! Можно? Пока не скисло. А? Совасильевна?

Он не дождался ни разрешения, ни запрета, унес бидончик.

Перед Соней стояла большая кружка с молоком. Кружка из-под американских консервов «второй фронт». И рядом — помятая, закусанная с краю пайка серого хлеба, побывавшего в чем-то кармане.

Она взяла хлеб и заплакала.

Подготовила к публикации
В. БАЛАНОВА.